

ПОЭЗИЯ

Эльс Гаделев:

«Белым-пребелым остаться хочу»

*Эльс Гаделев во время работы
на телевидении*

Эльс Гаделев – один из тех творцов, для которого процесс работы всегда был важнее её результата. Он писал стихи, а уж публикация для него являлось делом вторичным.

Вернее, публикации у него были – газетные, журнальные... – а вот конечного продукта, своей книги, – нет, не было.

Её выпустили в свет после смерти поэта его собратья по перу и коллеги – Разиль Валеев, Марсель Галеев, Рустем Набиуллин...

Иные говорят про него, что он был просто несобранным человеком, потому

и не удостоил себя своим поэтическим сборником, слишком разбрасывался – временем, способностями, профессиями...

Если сравнивать с русскими поэтами Казани, он был породы Леонида Топчия, Юрия Макарова, Геннадия Капранова...

Действительно, целеустремлённым назвать Эльса Гаделева было трудно. В этом есть доля правды. Однако и яркое разнообразие его талантов не оспоришь. Он владел, например, редкой красоты и тембра голосом чтеца.

Наверное, все знают голос Юрия Левитана – ну вот, э т о примерно то же самое. Только на татарском языке.

Эльс Гаделев долгое время работал диктором на республиканском радио.

И его передачи – будь то сводки с сельскохозяйственных полей или расписание поездов – я слушал как какое-то завораживающее слух художественное произведение, как какую-то волшебную оперу...

Он был поразительно эрудирован, хорошо знал татарскую и всемирную литературу. В годы моей туманной юности он открыл для меня Уолта Уитмена и даже подарил книгу его стихов.

Зашёл специально ко мне домой и подарил – для окончательной убедительности своих слов о заоблачной гениальности американского поэта.

Эльс-абый отличался весёлым нравом, остроумием и профессиональной чуткостью к художественному слову. Легко и даже как-то играючи переводил стихи и прозу. Сам же и публикации обустроивал. Это и по себе знаю. Взял мою повесть об альпинистах, перевёл, и я чудесным образом увидел её в журнале «Казан утлары» («Огни Казани»).

А вот о себе позаботиться не мог. По большому счёту почитать на лаврах ему не довелось – ни в одной профессии, ни в поэтическом творчестве, ни в быту – нигде. Оставил после себя разрозненные рукописи, заметки, дневники... И вот, наконец, с помощью настоящих друзей поэтическое наследие его увидело свет.

Только обидно, когда автор не видит свою новорождённую книгу! Сегодня мы публикуем из неё небольшую подборку в переводе Галины Булатовой.

Ахат Мушинский

*Эльс
Гаделев
и
Юрий
Левитан*

С Хасаном
Туфаном

Эльс Тагелев

1936–2002

Слово – шёлк

Портной, кроя по мерке рукава,
Сошьёт рубаху, платье и мундир.
Поэт, сто раз измерь свои слова,
В которые оденешь целый мир.

Коснувшись человеческой души,
Готовься, и тебя найдёт молва,
И потому с речами не спеши
И точные подыскивай слова.

Подобно слово пущенной стреле,
И если кто-то целил наугад,
Наверняка он будет сожалеть:
«Куда стрелял я?», «А попал куда?»

Не забывай пословиц золотых,
Семь раз не меря, резать не посмей.
Ведь слово – шёлк. Что верно для портных,
То для поэта во сто раз верней.

Затяжной дождь

За чёрными очками дремлет мир.
«Шебыр-шебыр...»
Поднявшись, кто-то зажигает свет
И ставит чай, но пробужденье нет.
«Шебыр-шебыр...» –
весь мир сошёл с ума,
Бормочет тьма.

Дождь гонит с тротуаров, площадей
Домой людей.
Пути промокли, и трамвай опять
Из рельсов будет воду выжимать.
Забыто напрочь время ясных дней –
Сезон дождей.

Просвета нет, и воздух сер и сыр.
«Шебыр-шебыр...»
Такого не припомню я давно,
Когда-то это кончиться должно!
Щелчок замка – захлопнулась теперь
Напротив дверь.

Шебыр-шебыр и вдоль, и поперёк,
И между строк.
Недаром затяжным зовут его,
Но я б желал другое торжество:
Прольётся шумный пусть один, а вслед
Пусть грянет свет!

Наследие

Оно – не россыпь щебня у дорог,
А чистый жемчуг, потаённый в речке.
Оно роднится с отпечатком ног:
Твои следы – наследия предтеча.

Да мы и сами, в сущности, малы:
Одно людское племя в целом свете мы.
Не возжелайте ближнему хулы:
Мы все – крупинка божьего наследия.

Пусть не устанет мой язык хвалить
Чутьё и вкусы прадедов умолкнувших:
Могли же место выбрать, чтобы вбить
Под доброе жилище первый колышек!

Земля какая, воздух – благодать,
Любуйся родниками, небом, рощами!

Да разве можно это променять
На самые манящие сокровища!

Не обманись, браток, и не ропщи,
А приготовься следовать за нами ты.
Давай-ка поднатужься, притащи
Ты сам камней для общего фундамента.

И будем строить вместе, не спеша,
Смотри вперёд – судьба сияет дальняя.
Я от цены не скину ни гроша:
Я на Казань поставлю максимальную.

За шагом шаг прокладываем след
И умножаем прадедов наследие.
Казань стоит вторую тыщу лет,
Аллах, даруй ещё тысячелетия!

Ну, кто из нас?

Все вместе собравшиеся умы,
Скажите наверняка,
А стоим хотя бы ногтя мы
Тукая и Бальзака?

Равняем по мерке своих невзгод
Весь мир, что давно не нов,
Веря, большое искусство ждёт
Наших дерзких голов.

Так и живём, румяны с лица,
Довольные, сытые рты,
И не размениваем сердца
На мелочи доброты.

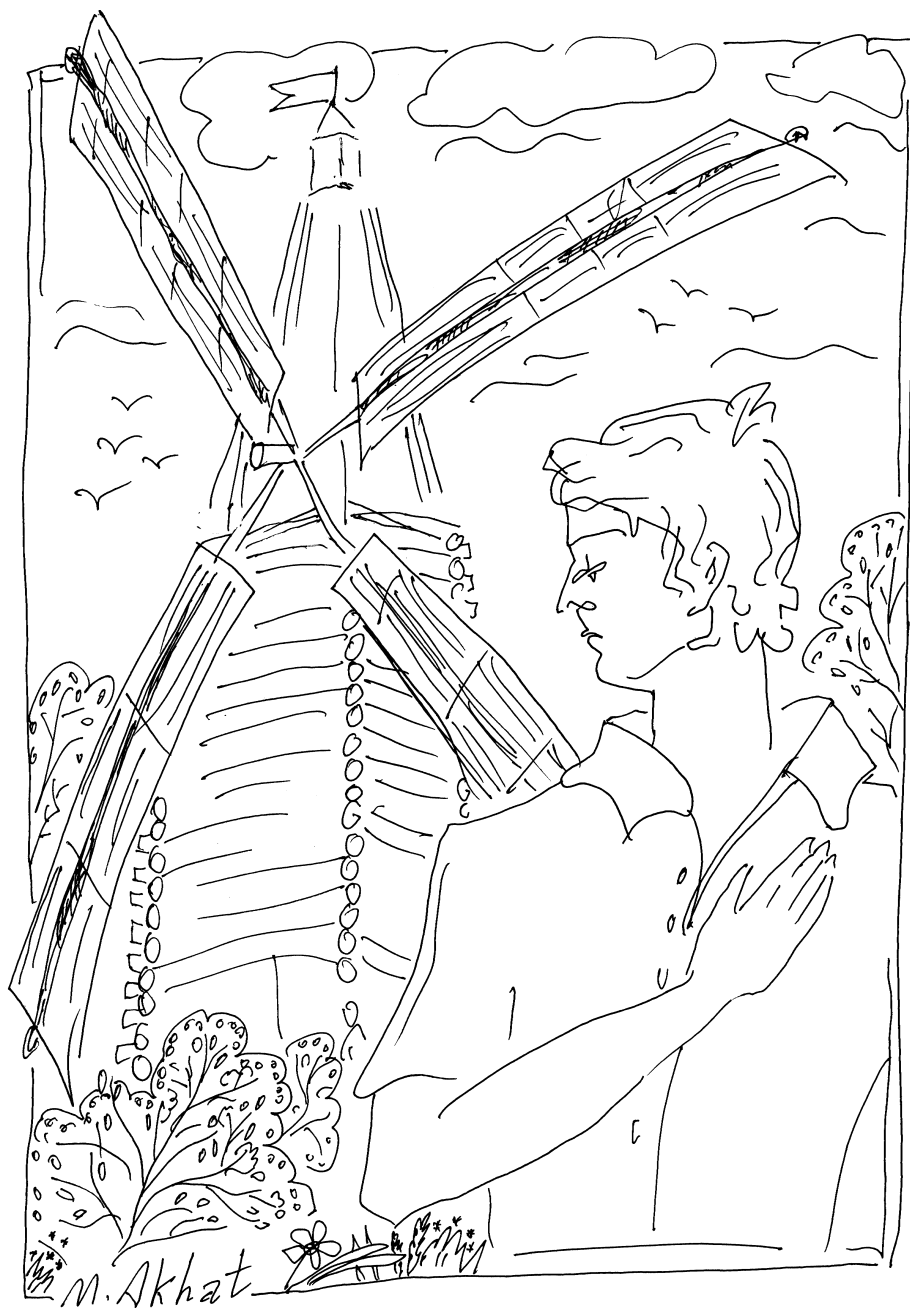
Охладевая за годом год,
О том ли Творца просил?
Ну, кто из нас в будущее войдёт:
Радиф ли, Равиль, Разил?

Жаль, что так задержался час,
Когда я раскрыл глаза.
Сурово и мудро глядят на нас
Тукай, Сезанн и Бальзак.

Июньский соловей

104

В канун июньского тепла
Стихами дышит вся природа –
И вот ко мне, забыв дела,
Явился Пушкин, как свобода.
Взбежал легонько на крыльцо
И распахнул он в доме двери,
А я не смел поднять лицо,
А я глазам своим не верил.
О, золотое божество,
Кто я ему, скажите, други?
И звон бубенчика его
Был, верно, слышен всей округе.
А он сказал:
– Ну, здравствуй, брат,
Веди же в красный угол дома,
Стакану пунша очень рад –
Отныне будем мы знакомы!
Я тру в волнении свой лоб –
Кажусь для этих гонок старым,
А мой забавный эфиоп
Шумит весёлым самоваром.
Вольно же дерзкому играть!
Вот, говорит, подав тетрадь,
Читай написанное смело:
Царём татарина я сделал.
«Татарин» написал и «царь»
Я про Бориса Годунова.
Быть может, я такой бунтарь,
Что и моё бунтует слово.
Да, мы бунтуем и поём –
А ты проснись, уж светел дом,
Приподыми главу с подушки,
И помни, как во сне твоём
С июньским спорил соловьём
Сегодня Пушкин.

Желание

К мельнице выйду, зерно смолочу,
Тихо по сруб её постучу.
Белой муки я отведать хочу,
Белым-пребелым остаться хочу.

Impressia

С грустью на чёрную иву смотрю:
Стала от чёрного ливня рябая.
Не упрекайте вы иву мою –
Ива рябая мне грудь обжигает.

Вот она, милая, смотрит на лист
Зыбкого озера – дождь полосует –
Будто художник-импрессионист,
Чудное что-то по глади рисует.

И преклонила колени свои
На берегу и, в дожде утопая,
Что-то поёт – о судьбе ли, любви –
Чьи же черты на воде проступают?

Может быть, самый последний портрет
Пишет она на холсте полноводном,
Глядя ветвями дрожащий мольберт
И изгибаясь под ветром холодным.

Только меня не рисуй, говорю,
Я ведь и сам, словно ива рябая.
Не отрываясь, смотрю и смотрю:
Ива рябая мне грудь обжигает,
Чёрная ива мне грудь обжигает.

Камень мудрости Хикмат

Разбиваются думы о чёрный колодец ночей,
Драгоценный Хикмат не предстанет пред светом очей.

А надежда, как сабля, висящая на волоске,
Лишь подскажет, что камень не тот остаётся в руке.

В летаргии – полмира, в пороках – оставшийся мир.
Только я, неразумный, печаль изливаю в эфир.

Может быть, я лишь муха, что села на купол чужой,
Но пока бьют по заду, и, значит, пока что живой.

Хорошо, что у них за заботами времени нет,
А прихлопнут – то всюду останется розовый след.

Что твоя им судьба, что твоя им печаль и язык?!
Вот бы свежего ветра – от дум я тяжёлых поник.

– Бык издох, и телега сломалась – так что же сейчас?
– Значит, будут дрова, и огонь, и варёное мясо у нас!

Драгоценный Хикмат не могу отыскать, очень жаль,
Только горестно в сердце колодезный бьётся журавль.

Интервью с Чингизом Айтматовым

*К фотографии,
снятой на студии ТВ*

Сотнями адских солнц Люкс полыхал,
Горевших в подсвечниках.
Камеры-людоеды, ворвавшись в зал,
Взяли в тот вечер нас.

Объективом-чудищем быть проглоченным
Суждено, видимо, мне.
Мастер по превращению всего в ничего –
Телевидение.

Кажется, я до сих пор в страхе быллом,
Колени мои дрожат.
Незаметно для зрителей, под столом
Ты руку мою пожал.

Заговорил, мыслям моим вторя,
Придвинув к плечу плечо,
О том, как были ухабы истории
Прадедам нипочём.

Я пронёс тепло ладони твоей
Через года, холода.
Узы Великого Братства людей
Почувствовал я тогда.

Смотрим вдвоём с экрана тех дней,
Как самые близкие;
Сзади стоит Казань, а перед ней –
Узоры киргизские.

Белый медведь

*После прочтения в больнице
книги Роберта Ахметзянова
«Древо жизни»*

108

Обычная тонкая книжка, казалось,
Такие я сотни листал.
Но что-то случилось, но что-то сломалось,
Расплавился в сердце металл.
И будто вспахала незримая сила
Эмоций моих целину –
И охала книга, как будто просила
Её не оставить одну.
От грохота жизни она колыхалась,
Летели дожди и снега,
И воздухом этим так славно дышалось,
И чужла травы нога.
Ах, молодость, как же ты нас увлекала
Нашествием бурь и штормов!
Ты стоишь сегодня моих запоздалых
Восторженных тысячи слов.
И, кажется, это моё по бумаге
Гуляло перо поутру,
Но в мире никто не услышал бедняги,
Кричавшего «SOS!» на ветру.
Однако позвольте – пыхтящий, уставший,
Один богатырь мне помог,
Горячим дыханьем меня обжигавший –
Но пусть отдохнёт между строк.
Ведь мир этот хрупок, и лёд ещё тонок,
И многое нужно успеть.
Я нюхаю ветер, ведь я – тюленёнок,
Он – белый полярный медведь.

*Перевод с татарского
Галины Булатовой*

